

ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ. 28

Сборник научных работ
молодых филологов

Редколлегия:

Е. Вансович, А. Веселко, А. Герасимова, Т. Гузаиров С. Зайцева,
С. Ким, К. Новашевская, М. Нестеренко, А. Самарин,
А. Соловьев, Т. Сташенко, Т. Фролова, А. Чабан, А. Шеля,
Е. Ящук (литературоведение)
Л. Кныш-Крюков, Е. И. Костанди, И. П. Кюльмоя, В. Тубин,
А. В. Штейнгольд, В. П. Щаднева (лингвистика)

Ответственные редакторы:

Т. Гузаиров (литературоведение)
И. П. Кюльмоя (лингвистика)

Технический редакторы:

С. Долгорукова (литературоведение)
В. Тубин (лингвистика)

Авторские права:

Статьи: авторы, 2017

Составление: Отделение славянской филологии
Тартуского университета, 2017

ISSN 2228-4494

БОРЬБА ЗА КЛАССИКУ: КНИГА ДЛЯ НАРОДА И ЛУБОЧНЫЕ КНИЖНЫЕ ИЗДАНИЯ

Яна Агафонова
(Санкт-Петербург)

В связи с возросшим в последнее время интересом к проблемам истории культуры чтения представляется важным обратиться к вопросу формирования народного читателя во второй половине XIX в. Понятно, что народный читатель, в частности, формировался посредством той литературы, которая ему предлагалась. Однако проблема литературного канона в этом отношении чрезвычайно широка. В рамках статьи будет представлен малоисследованный материал, который позволяет пролить свет на тот сектор народного чтения, который уже в советское время утвердился как национальный литературный канон. Мы обратимся к проблеме того, в каком именно виде известная сегодня литературная классика доходила до так называемого народного читателя.

В связи с проведением либеральных реформ 1860-х гг. одним из острейших вопросов, который встал перед образованной частью общества, был вопрос о народном читателе. Значительные перемены в социальной сфере привели к тому, что на литературный рынок пришел многочисленный, но едва грамотный и неразборчивый потребитель. Высшие слои общества со всей ответственностью осознавали необходимость культурного образования нового читателя, которое, вопреки ожиданиям, оказалось невоспребованным.

Историю массового народного образования в Российской Империи часто начинают со скандально неудачной попытки русской интеллигенции нести просвещение в народ. В феврале 1861 г. выходит устав, который позволяет любому частному лицу открывать школы грамотности. Первые попытки по созданию воскресных школ вызвали большую дискуссию и выявили массу проблем. У народных просветителей не оказалось ни согласованной программы, ни подходящей книги, народ стал неожиданным откры-

тием для русской интеллигенции. Воскресные школы просуществовали недолго, и уже 10 июня 1862 г. был издан приказ об их закрытии. Следующее «Положение о начальных и народных училищах» будет утверждено только в июне 1864 г. (см.: [Рождественский: 430–460]).

Главная общественно-культурная проблема состояла в том, что инициатива писательского сообщества по просвещению народа со стороны самого народа была полностью проигнорирована: тиражи не раскупались, книга не доходила до своего читателя [Некрасова: 13]. Тогда Л. Н. Толстой в педагогических статьях за 1862 г. представляет эту проблему на суд широкой публики и задается вопросом: почему народ не принимает литературу и искусство высшего общества? Толстой приходит к выводу, что у народа свои представления о красоте, добре и правде. Таким образом, писатель открывает знаменитый проект по созданию специальной литературы для народа на страницах журнала «Ясная поляна», в издательстве «Посредник» и в других книжных изданиях.

Во второй половине XIX в. между народом и образованным обществом стала осознаваться огромная дистанция, которую требовалось преодолеть. К 1860-м гг. XIX в. читатель из народа уже осознается как объект культурной рефлексии. В большинстве случаев дискуссия о народном чтении в этот период сводилась к критике тех или иных издательских проектов. Так, например, Н. А. Добролюбов отмечает недостатки издательской политики «Общества распространения полезных книг» (см.: [Добролюбов: 317–324]). Важно, что в это время возникает движение по организации специальных издательских книжных серий для народа [Анский: 34–35]. При этом под народом и народным читателем во второй половине XIX в. понималась довольно неоднородная масса людей с низким уровнем грамотности, представлявшая низшие социальные слои: крестьяне, ремесленники, рабочие, купцы, мелкие помещики и чиновники. Вероятно, такое широкое понимание народной массы отчасти обусловило разнородность самих изданий.

Проблема формирования народного читателя связана также и с тем, что издатели народной литературы очень по-разному понимали саму задачу просвещения: были издатели, которые полагали, что народ как ребенок должен впитывать только самое

лучшее, самое прекрасное, поэтому такие издательства стремились публиковать для народа величайшие достижения социальной элиты. Так, например, «Народная библиотека» В. Н. Маракуева издавала сочинения Шопенгауэра для народа. Другие издатели полагали, что необходимо выпускать специальную литературу для народа, которую будут создавать образованные люди, знающие жизнь и нужды народной среды. Так, например, специально для народа писали Л. Толстой и А. Погосский. И, наконец, были издатели, которые поддерживали идею, что для народа должен писать сам народ, потому как никто не может знать о народе больше, чем он сам. Эту задачу успешно выполняли такие лубочные писатели, публиковавшиеся под псевдонимами, как И. Касилов, И. Смирнов, А. Сердобольский и пр.

Другая проблема формирования народного читателя состояла в том, что оно сопровождалось борьбой, развернувшейся на книжном рынке между издателями лубочной книги и книги для народа [Некрасова]. Если лубочные издатели полностью исходили из коммерческой основы, то целью издателей книги для народа было именно его просвещение, вне зависимости от того, что под этим понималось. При этом стоит отметить, что разница издательской программы этих двух типов изданий не вполне осознана с точки зрения качества текста, который они предлагали своему читателю. Лубочные издатели, так и издатели книги для народа предлагали крестьянину тексты из так называемой классической литературы. Однако, пользуясь термином известного историка чтения Р. Шартье, «апроприировали» они эту классику по-разному (см.: [Шартье: 191–210]).

Большую роль в процессе книгоиздания для народа сыграли издательства, открывшиеся в 1870-е гг. по инициативе Министерства народного просвещения. Эти издательства возникли в связи с широким распространением практики публичных чтений, которая была намечена еще воскресными школами. Одна за другой в Петербурге возникают «Комиссия народных чтений при музее в Соляном городке» (1871) и «Постоянная комиссия народных чтений» (1872). Позже, в 1874 г., открывается «Московская комиссия народных чтений» при Обществе распространения полезных книг, однако издательскую деятельность она начинает вести только в 1880-е гг. Самым успешным издательским проектом, по мнению авторитетных критиков и современников становя-

щейся образовательной системы Е. С. Некрасовой, С. А. Анского и многих других, считается Постоянная комиссия народных чтений. Именно этим книжным изданиям будет уделено наше дальнейшее внимание.

Стоит отметить, что для понимания феномена книги для народа важно, что целью этой книги было не просто просвещение, но и борьба с варварской (с точки зрения просветителей) лубочной издательской политикой.

Большой интерес представляют различия издательских стратегий, которые и выявляют борьбу между этими двумя типами изданий. Лубочные книгоиздатели, как отмечает Д. И. Сытин в своих воспоминаниях, как правило, выбирали для публикации отрывки, распределяющиеся по трем основным регистрам: либо что-то очень страшное, либо что-то очень смешное, либо что-то очень жалостливое [Сытин: 45–56]. Издатели книги для народа, напротив, выбирали для публикации эпизоды, связанные непосредственно с жизнью крестьян.

Показательным примером являются издания «Евгения Онегина» 1870-х гг. Постоянной комиссией по народным чтениям. Роман Пушкина в этом издании представлен на 15 страницах.

Примечательным является предисловие. Стоит сразу отметить, что такие предисловия встречаются довольно часто, их можно найти не только в изданиях произведений Пушкина, но также Гоголя и Лермонтова. Общая идея таких предисловий, как правило, состоит в том, чтобы в некотором смысле оправдать или объяснить новую редуцированную форму литературного шедевра. Так, например, выглядело предисловие к «Евгению Онегину»:

От редакции: Считая невозможным роман «Евгений Онегин» сделать предметом чтений в народной аудитории, как по размерам романа, так и по недоступности его содержания для большинства слушателей, редакция ограничивается выбором нескольких превосходных отрывков из него, вполне понятных русскому человеку. Каждому отрывку редакция дала заглавие, соответствующее его содержанию [Пушкин, Е. О.: 3].

В таких предисловиях очевидным образом выстраиваются иерархические отношения между издателем и читателем. При этом прямым адресатом такого предисловия, скорее всего, являлся особый, специально «изобретенный» для публичных чтений об-

разованный или полубразованный читатель, который выступал в роли посредника между аудиторией и литературным текстом, то есть непосредственно чтец.

Сюжет романа в рассматриваемом здесь издании редуцирован вовсе, он представлен посредством отрывков, которые, как полагаются издателями, наиболее близки крестьянской жизни.

1. Сбор ягод в барской усадьбе крепостными служанками.
2. Наступление весны.
3. Осень.
4. Зима.
5. Крещенские гаданья.
6. Въезд помещицкой семьи в Москву.
7. Верность жены.

Аналогичная стратегия адаптации классического текста для народа прослеживалась и на визуальном уровне. Представленные для крестьянского читателя тексты иллюстрировались так называемыми световыми картинками для волшебного фонаря. Например, в фондах Государственного Литературного Музея в Москве удалось найти такую специальную иллюстрацию для романа «Евгений Онегин», выполненную художником Я. П. Турлыгиным (Илл. 1). Так же, как и в случае с поэтическими отрывками, сюжет иллюстрации весьма условно соотносится с сюжетом романа и очевидным образом сопровождает четвертый отрывок рассматриваемой здесь книги для народа. Соответственно, можно говорить о том, что визуализация романа при адресации на крестьянскую аудиторию была направлена не столько на то, чтобы представить новому читателю определенный культурный продукт, сколько на то, чтобы представить культурный продукт максимально близким визуальной среде этого нового читателя.

Таким образом, можно заключить, что апроприация литературного текста для народного чтения состояла отчасти в том, чтобы, преобразовать текст, совместив горизонты ожидания реального читателя (народной массы) и предполагаемого идеального читателя, сконструированного самим текстом (см.: [Яусс: 97–106]).

Возвращаясь к рассматриваемому изданию, отметим любопытный факт: главный герой в основном тексте книги так ни разу и не появляется. Однако в самом конце издания в комментарии к тексту мы обнаруживаем пересказ сюжета романа:

Татьяна — героиня романа — девицей полюбила молодого человека — Онегина, который тогда не отвечал на ее чувство. Через несколько времени Татьяна вышла замуж за весьма почтенного пожилого человека. Онегин, встретив Татьяну уже замужнею, был очарован ее достоинствами, почувствовал сильную любовь к ней и не мог удержаться от объяснения своего чувства. Приводимый отрывок из ответа Татьяны на такое объяснение прекрасно выражает душевные свойства этой высокой русской женщины [Пушкин, Е. О.: 14].

Татьяна здесь оказывается не просто центральным героем, но и главной выразительницей «рускости». Это издание «Евгения Онегина», судя по тому, как оно комментируется, вообще преследует задачу сформировать понятие о русском характере у самого русского народа. Так, например, в рассматриваемом издании публикуется следующий отрывок про Москву:

Вот, окружен своей дубравой,
Петровский замок. Мрачно он
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоенный,
Москвы коленопреклоненной
С ключами старого Кремля:
Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою [Там же: 12].

Далее следует комментарий, который опять же не столько комментирует текст, сколько объясняет читателю, какова особенность его же, национального характера, и что вообще значит быть русским:

В Петровском дворце жил Наполеон в 1812 году, когда пожары, доказавшие, что русские скорее сожгут свое имущество, чем подчинятся врагу, заставили его выехать из занятого им дворца Кремлевского [Там же].

Необходимо также остановиться на некоторых принципиальных визуальных различиях книги для народа и лубочной книги. Визуальная репрезентация этих книг помогает раскрыть некоторые особенности феномена книги для народа в целом. Важное отличие лубочной книги от книги для народа состояло в том, что красочные иллюстрации на обложках лубочных книг были сделаны непрофессионально, а в тексте имелись типографические ошибки.

Книги для народа же, напротив, стремились всячески показать себя как как книгу качественную и грамотную. Лубочные издатели часто могли использовать курсив без какой-либо на то необходимости, что накладывало свои особенности на восприятие печатного текста. По крайней мере, можно предположить, что для читателя лубочной книги курсив не носил какой-либо очевидной смысловой нагрузки.

Отметим также различия задних обложек. Если лубочные издатели предпочитали рекламировать собственное издательство, обрамляя его название каким-либо орнаментом, то на задней обложке книги для народа просто помещался список книг, которыми располагало это издательство.

С визуальной точки зрения важно упомянуть еще одно различие между двумя типами изданий, которое связано с принципиально разным подходом к оформлению передней обложки. Если обложка лубочной книги, как правило, была связана с сюжетом, то обложки книг их оппонентов скорее стремились представить некую идею просвещения в целом, изображая на них знаки, условно говоря, высокой культуры, а также рисунок деревни — как знак объекта просвещения. Нужно отметить, что эти книги сразу распознавались читателями (Илл. 2, 3).

Интересное различие состояло и в том, что цена на книге для народа располагалась на обложке, — на лубочных книгах цена не ставилась. Дело в том, что цена лубочной книги могла быть очень гибкой и зависела от офеней, которые могли подстраиваться под своих покупателей. Книга для народа, наоборот, настаивала на своей принципиальной доступности для любого крестьянина. Реальная практика обращения с ценой на книгу в условиях распространения через офеней не могла быть строго регламентирована, однако само по себе помещение максимально низкой цены на обложку уже является манифестацией того, что такая книга не является каким-либо исключительным товаром и легко может быть приобретена каждым.

Еще одно ключевое различие состоит в том, что, если лубочная книга стремилась привлекать покупателей своей красочностью, то книга для народа, которая вовсе не была такой цветной, была интересна тем, что сопровождалась списком световых картин для чтения в специальных аудиториях, которые проектировались с помощью волшебного фонаря на стену и превращали саму

практику чтения в сложное представление. Отдельный интересный аспект изучения книги для народа состоит в изучении самих этих картин и их названий. Так, например, основной сюжет представленного для народа «Кавказского пленника» А. С. Пушкина поддерживается списком световых картин, которые сами по себе составляют отдельный нарратив:

1. Черкес и пленник
2. Сквозанный пленник
3. Черкешенка и пленник
4. В горах у стада
5. Оковы спали
6. Прости
7. Освобожденный [Пушкин, К. П.: оборотная сторона обложки].

Подводя итог, можно сказать, что на заре формирования массового читателя тексты классической литературы представляли собой серьезную проблему для просветительской программы образованного сообщества. В пореформенное время остро начала осознаваться нерелевантность так называемой высокой литературы для массового чтения. Поэтому классический текст требовал существенной корректировки. С одной стороны, такой текст становился социальным знаком просвещения, то есть, стали осознаваться, условно говоря, социальные границы классического текста. С другой стороны, классический текст в книге для народа становился неотъемлемой частью формирования его особого языка, на котором образованное сообщество пыталось разговаривать с народом.

ЛИТЕРАТУРА

- Анский: *Анский С. А.* Литература интеллигенции для народа // Народ и книга. Опыт характеристики народного читателя. М., 1913.
- Добролюбов: *Добролюбов Н. А.* Издания общества распространения полезных книг. Современник. 1861. № 8. Отд. II.
- Некрасова: *Некрасова Е. С.* Народные книги для чтения в их 25-летней борьбе с лубочными изданиями. Вятка, 1902.
- Пушкин, Е. О.: *Пушкин А. С.* Евгений Онегин: Отрывки из романа «Евгений Онегин» (для нар. чтений) / Под ред. А. Г. Воронова. СПб., 1899.

- Пушкин, К. П.: *Пушкин А. С. Кавказский пленник* (для нар. чтений) / Под ред. Вс. С. Соловьева. СПб., 1899.
- Рождественский: *Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Мин. нар. просв. 1802–1902*. СПб., 1902.
- Сытин: *Сытин И. Д. Жизнь для книги*. М., 1960.
- Шартье: *Шартье Р. Письменная культура и общество*. М., 2006.
- Яусс: *Яусс Х. Р. К проблеме диалогического понимания* / Пер. Е. А. Богатыревой // *Вопросы философии*. 1994. № 12.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

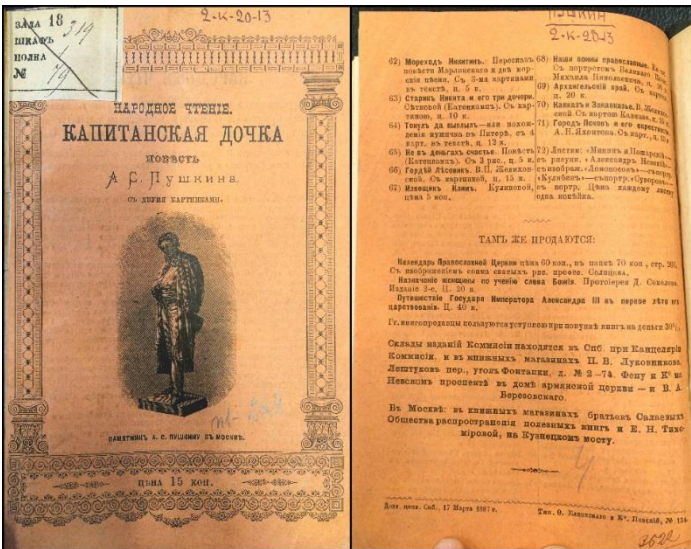

Илл. 1. Турлыгин Я. П. Иллюстрация к роману в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин». «Зима! Крестьянин, торжествуя». Рисунок для «Волшебного фонаря». Конец XIX века.

Из фондов Государственного Литературного Музея в Москве.

Илл. 2. Пример лубочного издания романа А. И. Чуровского в переложении И. С. Кассирова: *Кассиров И. С. Ведьма, или Страшная ночь за Днепром: Повесть в 3 ч.* Москва: Е. А. Губанов, 1894.

Илл. 3. Пример издания повести Пушкина для народного чтения: *Пушкин А. С. Капитанская дочка: Повесть А. С. Пушкина.* СПб., 1887.